

УДК 34.01

КОНСТИТУЦИОННАЯ ФУТУРОЛОГИЯ И КОНСТИТУЦИОННАЯ ФУТУРИСТИКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

© 2021 г. И. А. Умнова-Конюхова

Российский государственный университет правосудия, г. Москва;
ИНИОН РАН, г. Москва

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.09.2020 г.

Аннотация. В статье представлен системный взгляд на выдвигаемую автором идею о новой отрасли права – конституционной футурологии и новом институте права – конституционной футуристике. Автор подчеркивает актуальность затронутой темы в контексте глобальных перемен. Ускорение цивилизационного развития, усложнение задач правового регулирования на фоне глобальных структурных изменений в жизнедеятельности людей, социальных и политических общностей в эпоху современных технологий актуализировали прогностические задачи правовой науки.

Исходя из логики исследования от общего к частному, первая часть статьи посвящается рассмотрению понятий правовой футурологии и футуристического права, определению их места в правовой науке и системе права. Обосновывается, что общую парадигму права определяет *конституционная футурология*, которая как подотрасль правовой футурологии отвечает за формирование конституционного пространства на основе основополагающей конституционной матрицы правового развития, т.е. конституции, призванной адекватно обслуживать объективные потребности цивилизационного прогресса во времени и пространстве на уровне государств и международного сообщества. Конституционная футурология предопределяет развитие *конституционной футуристики* как особого межотраслевого института футуристического права и конституционного права, обеспечивающего прогрессивное конституционное развитие.

Во второй части рассматриваются предмет и метод конституционной футурологии. Конституционная футурология в авторском понимании – это отрасль права, предметом которой являются знания о будущем конституционного развития, т.е. о состоянии, тенденциях, прогнозах, стратегии и тактике конституционного развития. Предмет конституционной футурологии предопределяет необходимость решения определенных теоретических и практических задач, которые формулируются в данной статье. В третьей части раскрываются *тенденции конституционного развития как ключевой предмет конституционной футурологии*. В рамках конституционной футурологии следует анализировать такие тенденции конституционного развития, как трансформация понятия «конституция»; расширение предмета конституционного регулирования; конвергенция конституционных и международных публичных отношений; интернационализация конституции и возникновение феномена глобального конституционализма; формирование конституционной аксиологии; морализация конституции; гуманизация и социализация конституций; появление новых доктрин конституционного идеала, основанных на конституционном компромиссе в условиях кризиса либерально-демократической и других действующих доктрин конституции.

В четвертой части выделяются ключевые аспекты *конституционной футуристики* как нового межотраслевого института футуристического права и конституционного права, призванного смоделировать систему принципов и норм, регулирующих отношения по осуществлению прогноза, выработке стратегии и тактики конституционного развития, созданию процедурных и институциональных механизмов, обеспечивающих действенность конституции и дальнейшие конституционные процессы.

В заключение формулируется вывод о том, что конституционная футурология и конституционная футуристика позволяют создать своеобразную «дорожную карту» для повышения регулятивной роли не только конституции, но и права в целом, создать ориентиры для движения к прогрессу.

Ключевые слова: правовая футуристика, правовая футурология, конституционная футуристика, конституционная футурология, тенденции конституционного развития, стратегия и тактика конституционного развития, прогноз конституционного развития, парадигма конституционного строя, конституционный идеал, конституционная объективность, конституционная конгруэнтность, конституционная эффективность.

Цитирование: Умнова-Конюхова И.А. Конституционная футурология и конституционная футуристика в контексте глобальных перемен // Государство и право. 2021. № 5. С. 81–93.

DOI: 10.31857/S102694520014855-1

CONSTITUTIONAL FUTUROLOGY AND CONSTITUTIONAL FUTURISM IN THE CONTEXT OF GLOBAL CHANGES

© 2021 I. A. Umnova-Konyukhova

*Russian state University of justice, Moscow;
INION RAS, Moscow*

E-mail: ikonyukhova@yandex.ru

Received 20.09.2020

Abstract. The article presents a systematic view of the author's idea of a new legal science—constitutional futurology and a new Institute of law — constitutional futurism. The author emphasizes the relevance of the topic in the context of global changes. The complexity of legal regulation on the background of global structural changes in the life of people, social and political communities in the era of modern technology actualized the prognostic tasks of legal science. Proceeding from the logic of the study from the general to the particular, the first part of the article is devoted to the consideration of the concepts of legal futurology and futuristic law, determining their place in legal science and the system of law. It is proved that the overall paradigm determines law constitutional futurology, which is like a sub sector of the legal futurology is responsible for the formation of the constitutional space based on fundamental constitutional matrix of legal development, i.e. the constitution which adequately serve the needs of objective civilizational progress at the level of states and the international community. Constitutional futurology predetermines the development of constitutional futurism — as a special inter-sectoral institution of futuristic law and Constitutional Law, ensuring progressive constitutional development.

The second part deals with the subject and objectives of constitutional futurology. Constitutional futurology in the author's understanding is a branch of legal science, the subject of which is knowledge about the future of constitutional development, that is, the trends, forecasts, strategies and tactics of constitutional development. The subject of constitutional futurology predetermines the need to solve certain theoretical and practical problems, which are formulated in this article.

The third part reveals the trends of constitutional development as a key subject of constitutional futurology. According to the author, within the framework of constitutional futurology it is necessary to analyze such trends of constitutional development as the transformation of the concept of the constitution; expansion of the subject of constitutional regulation; convergence of constitutional and international public relations; internationalization of the constitution and the emergence of the phenomenon of global constitutionalism; formation of constitutional axiology; moralization of the constitution; humanization and socialization of constitutions; the emergence of new doctrines of the constitutional ideal based on constitutional compromise in the crisis of liberal-democratic and other existing doctrines of the constitution.

The fourth part highlights the key aspects of constitutional futurism as a new intersectoral institute of futuristic law and constitutional law, designed to model a system of principles and norms governing relations for the implementation of the forecast, the development of strategies and tactics of constitutional development, the creation of procedural and institutional mechanisms to ensure the effectiveness of the constitution and further constitutional processes.

In conclusion, it is concluded that constitutional futurology and constitutional futurism allow to create a kind of road map to enhance the regulatory role of not only the constitution, but also the law as a whole, to create benchmarks for progress.

Key words: legal futurism, legal futurology, constitutional futurism, constitutional futurology, trends in constitutional development, strategy and tactics of constitutional development, forecast of constitutional development, paradigm of the constitutional system, constitutional ideal, constitutional objectivity, constitutional congruence, constitutional effectiveness.

For citation: Umnova-Konyukhova, I.A. (2021). Constitutional futurology and constitutional futurism in the context of global changes // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 5, pp. 81–93.

1. Правовая футурология и футуристическое право в правовой науке и системе права

Ускорение цивилизационного развития, усложнение задач правового регулирования актуализировали прогностические задачи правовой науки. Исчезновение традиционного права предсказывалось идеологами коммунизма (коммунитарного права), теоретиками концепций технотронного (постиндустриального) общества и другими представителями правового нигилизма. В XXI столетии данные предсказания потеряли былую актуальность. На первый план вышли прогнозы трансформации права, его модернизации в условиях масштабных перемен: глобализации, диверсификации, конвергенции, цифровизации, виртуализации и других существенных изменений регулируемых отношений.

Стремительная модификация права актуализировала прогностические исследования. В этом контексте нельзя не согласиться с Ю.А. Тихомировым, что в масштабных и динамичных процессах особую актуальность приобретает возможность предвидения будущих явлений. В полной мере это относится к прогнозированию общественных явлений, в том числе в правовой сфере¹. В условиях глобальных перемен научная общественность обсуждает вопросы будущего различных отраслей и институтов права, развития концепций правовых ценностей, прав человека и юридической ответственности, появления новых видов объектов и субъектов права, оценивает правовые последствия выхода на новый уровень коммуникативных связей в условиях цифровизации общества и роста значения искусственного интеллекта и т.д.²

Происходящие перемены заставляют правовую науку, как представляется, заняться обобщением и систематизацией прогностических правовых

исследований. На наш взгляд, интеграцию правовых футуристических исследований возможно осуществить в рамках особой науки – правовой футурологии. Правовая футурология в авторском понимании – это отрасль права, формирующая концепции, методологию и институциональные знания как о будущем права, так и о будущем отдельных правовых явлений. Под правовыми явлениями подразумевается все, что связано в той или иной мере с правом: элементы системы права, правовые отношения, юридически значимая деятельность, формы права, правовые знания и проч.

Соответственно, систематизация принципов и норм правового прогнозирования позволит сформировать новую отрасль права – футуристическое право или правовую футуристику, регулирующую отношения по выявлению тенденций, осуществлению прогноза, разработке стратегий и формированию институциональных механизмов развития права.

К сожалению, как в теоретическом, так и практическом плане до сих пор не создано целостного учения о праве будущего. Иными словами, правовая футурология как новая наука или наука нового поколения еще только должна быть создана. Не сформировалось и футуристическое право или правовая футуристика как новая отрасль права функционального типа, нормативно обеспечивающая прогрессивное развитие права по заданным человечеством векторам жизнедеятельности.

Содержание правовой футурологии и футуристического права объективно предопределяется тенденциями и перспективами развития цивилизации, общества и государств, выявляемыми футурологией. Футурология от лат. *futurum* – будущее и греч. *λόγος* (*логос*) – это учение, предметом которого является прогнозирование будущего, в т.ч. путем экстраполяции существующих технологических, экономических или социальных тенденций или предсказания будущих тенденций. Методы изучения тесно роднят футурологию с историей и другими общественными науками.

Термин «футурология» как обобщенное название концепций о будущем человечества был предложен в 1943 г. немецким социологом О. Флетхеймом, который пытался создать философию, альтернативную всем предшествующим социальным учениям. С начала 1960-х годов под футурологией понимали научную дисциплину, задачей которой является определение перспектив всех явлений, и прежде всего социальных.

В 1960-е годы в футурологических исследованиях преобладало технократическое направление, сторонники которого видели в развитии науки и техники главное средство решения всех социальных проблем. Они выдвинули концепцию

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал рос. права. 2014. № 3.

² См., напр.: Будущее международного права: науч.-практ. конференция в МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96); Макаров О.В. Объекты гражданских прав: настоящее и будущее // Нотариус. 2017. № 5; Гурко А. Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12; Егоров А. Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3; Александрова В. Электронный кадровый документооборот: настоящее и будущее // Трудовое право. 2018. № 7; Гурко А. 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 5; Молотников А.Е. Национальная технологическая инициатива: правовые аспекты экономики будущего // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 1; Friedman L.M. The Human Rights Culture: A Study in History and Context. New Orleans, Louisiana, 2011. P. 2; Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford and Portland, England—USA, 2000. P. 7.

постиндустриального общества. Один из главных разработчиков этой концепции американский социолог Д. Белл утверждал, что история человечества — это последовательный процесс смены трех фаз цивилизационной организации общества: традиционное, индустриальное и постиндустриальное общество. В качестве критериев градации он использовал уровень развития экономики и интеллектуальные культуры³.

На рубеже XX–XXI вв. футурология приобретает новый потенциал на фоне так называемой четвертой промышленной революции⁴. Если первые три промышленных революции были основаны на энергетике и на праве собственности на материальные активы, то четвертая — цифровая революция базируется прежде всего на результатах интеллектуального труда. В реалиях четвертой промышленной революции или, как ее называют «Индустрии 4.0», перед юристами встают вопросы отношений между человеком и роботами, безопасности человека, необходимости определения статуса уже существующих и новых участников (роботов) правоотношений⁵.

В условиях четвертой промышленной революции изменения охватывают разные стороны общественной жизни: рынок труда, жизненную среду, политические системы, технологический уклад, человеческую идентичность и др. Основатель и президент Всемирного экономического форума в Давосе К. Шваб характеризует масштаб изменений как беспрецедентный для истории человечества. Перемены затронут всех: отношения человека с миром, с собой и с другими людьми кардинально изменятся⁶. Происходящие перемены не просто усиливают роль социальных регуляторов, включая право. Требуется прогностическая работа по обеспечению соответствия развивающегося права глобальным изменениям современности.

При оценке перспектив развития человечества объяснимо конкурируют «оптимистическое» и «пессимистическое» направления прогнозирования. Общая парадигма оптимистического прогноза

³ См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2001.

⁴ Четвертая промышленная революция (*The Fourth Industrial Revolution*) — массовое внедрение киберфизических систем в производство (Индустрия 4.0) и обслуживание человеческих потребностей, включая быт, труд и досуг. Industrie 4.0 — концепция, используемые в рамках германской государственно-частной программы по созданию автоматизированных взаимодействующих с внешней средой производств, выпускающих индивидуализированные продукты.

⁵ См.: Мануков С. 4-я промышленная революция в Давосе // Expert Online. 2016.

⁶ См.: Шваб К. Четвертая промышленная революция. М., 2016.

состоит в следующем постулате: будущее человечества зависит от того, насколько удастся наполнить гуманистическим содержанием научно-техническую, технотронно-электронную и другие революции и преодолеть их негативные последствия. Для права главный вектор развития состоит в его гуманизации, т.е. в продвижении и защите интересов человечества и того, что обеспечивает гармоничную жизнь и прогресс.

Предсказания футурологов и их реальное воплощение в жизнь в условиях четвертой и последующих промышленных революций инициируют развитие права как еще более сложного, многогранного и многофункционального явления, служат импактом для модернизации системы права, появления отраслей права новых поколений⁷, усложнения институциональной структуры права и методологии исследования правовых явлений.

Обобщая процессы развития права, следует отметить, что на рубеже XX–XXI вв. обнаруживаются две основные взаимосвязанные тенденции:

1) глобализация права, его универсализация и интеграция;

2) дифференциация права, усиление прикладной, прагматической роли права в регламентации, так называемых, технологий достижения успеха и как результат этого — принятие законодательства для решения актуальных проблем узкоцелевой направленности (например, законы о нанотехнологиях, запрете монополизма, противодействию терроризму, миграции, клонированию, робототехнике, об искусственном интеллекте и проч.).

Эти две тенденции предопределяют развитие отраслей и институтов права, однако, общие закономерности и тенденции развития выявляются именно в рамках правовой футурологии.

Представляется, что *основополагающая теоретическая задача правовой футурологии* состоит в создании учений о развитии права и о путях правового обеспечения прогресса на началах гуманизма и противодействия регрессу, в том числе путем снятия проблем выживании человечества в условиях глобализации угроз и вызовов цивилизации и планетарной жизни как таковой.

Прикладная задача правовой футурологии — это формулирование конкретных прогнозов, определение стратегии (векторов) и тактики (путей) развития права, адекватных сделанному

⁷ См. подр.: Умнова И.А. Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство. 2013. № 1 (32).

субъектами общественных отношений выбору моделей жизнедеятельности.

Таким образом, *правовая футурология* — это наука об оценке состояния, выявлении тенденций, осуществлении прогнозов, а также об определении стратегии и тактики правового развития, что в конечном счете на прикладном уровне выражается в совершенствовании правового регулирования и правоприменения, в повышении эффективности действия и реализации права.

Оценка и прогнозы тенденций правового развития связаны с различными методами системного, диалектического, интегративного, телеологического, аксиологического, онтологического, герменевтического, социологического, сравнительного, кибернетического, синергетического и иных типов анализа в сочетании с новыми методологиями деонтической логики, семиотики, гомологии, таксономии, конгруэнтности и прочих методов междисциплинарных исследований, обеспечивающих их объективность и всесторонность.

В отраслевых юридических науках прогнозирование увязывается с задачами и целями правотворчества, с эффективностью правового регулирования и правоприменения. В целом исследователи критикуют сложившуюся прогностическую практику, снижающую результативность права⁸. Между тем освоение новых правовых пространств и необходимость стабильности общества, государства и мировой системы требуют продолжения исследований правовых явлений⁹.

Поиск новых качеств и содержания права, отвечающего современным потребностям нормативного регулирования, наблюдается в различных отраслях права. Так, А.М. Лушников, осуществляя обзор российских и зарубежных публикаций в области футурологии трудового права, обосновывает вывод об экспансии трудового права на рубеже веков. В контексте новых тенденций анализируется концепция «гибкобильности» трудовых отношений в современных условиях в связи с расширением нетипичных форм занятости. Особое внимание уделяется «новому облику» прав в условиях информационного общества, отмечается перспективность дальнейшего совершенствования правового механизма социального партнерства¹⁰.

Следует отметить, что развитие правовой футурологии в отраслевом измерении — это частные срезы общей парадигмы права. Представляется, что общую

парадигму права определяет *конституционная футурология*. Именно эта подотрасль правовой футурологии отвечает за формирование конституционного пространства на основе конституционной матрицы правового развития, то есть конституции, призванной адекватно обслуживать объективные потребности цивилизационного прогресса во времени и пространстве на уровне государств и международного сообщества.

Конституционная футурология предопределяет развитие *конституционной футуристики* как особого института футуристического права и одновременно института конституционного права, обеспечивающего непрерывное прогрессивное конституционное развитие. Конституционная футурология и конституционная футуристика выступают, таким образом, базисными импактами развития права и его отраслей.

2. Предмет и задачи конституционной футурологии

Конституционная футурология — это отрасль правовой науки, предметом которой являются знания о будущем конституционного развития, то есть о состоянии, тенденциях, прогнозах, стратегии и тактике конституционного развития.

Предмет конституционной футурологии предопределяет необходимость решения определенных теоретических и практических задач.

Теоретическими задачами конституционной футурологии видятся, по меньшей мере, следующие направления научной деятельности: оценка состояния конституционного развития, выявление тенденций конституционного развития, осуществление прогнозов конституционного развития, определение стратегии конституционного развития, поиск конституционного идеала, т.е. выявление идеального содержания конституции, выработка концепций о будущем конституций и конституционного развития.

Формирование теоретической основы конституционной футурологии позволяет поставить прикладные задачи, решение которых дает возможность запустить коррекционные механизмы конституционного развития.

К основным прикладным задачам конституционной футурологии можно отнести такие как оценка состояния конституционного регулирования; оценка степени реализации конституции; выявление объективных и субъективных факторов отклонения формально юридической и реальной конституций от конституционного идеала, внесение предложений по совершенствованию конституционного регулирования; формирование тактики конституционного развития, суть которой состоит в выборе путей совершенствовании конституции: принятие новой конституции, внесение

⁸ Подробнее см.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 32.

⁹ См.: Правовое пространство и человек / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2012. С. 47.

¹⁰ См.: Лушников А.М. Российское трудовое право: вызовы XXI века // Lex russica. 2014. № 3.

конституционных поправок, толкование конституции, разработка законов и иных нормативных актов, конкретизирующих конституцию, совершенствование деятельности по применению конституции и т.д.; определение задач конституционного реформирования; внесение предложений по совершенствованию институциональных механизмов обеспечения конституционного развития и другие.

Если теоретические задачи имеют универсальное значение и решаются в глобальном значении, формируя стандарты в международном праве и конкретизируясь на национальном уровне, то прикладные задачи касаются конституционного развития конкретного государства. Именно на реализации общих теоретических задач конституционной футурологии и фокусируем внимание.

Исследование состояния конституционного развития позволяет установить его тенденции и перспективы. Суть прогноза состоит в определении новых векторов конституционного развития и стратегии его совершенствования.

Поиск конституционного идеала, т.е. выявление идеального содержания конституции, предопределен успехом определения парадигм конституционного развития, обеспечивающих приближение к конституционному идеалу. Определение правильности избранной парадигмы следует считать ключевым критерием констатации наличия перспектив конституционного развития или, иначе говоря, перспектив конституционного прогресса. Парадигма права, определенная в конституции, есть отражение закономерностей и потребностей цивилизационного развития. Сущность парадигмы выражается в избранной модели конституционного строя или конституционализма. Теоретически анализ этих моделей в прогностическом контексте позволяет выйти на решение задач по выработке концепций о будущем конституций и конституционного развития.

В практическом плане конституционная футурология исследует действующие модели конституционного строя, определяет потребности их модернизации. На основе теоретических знаний выявляется необходимость и осуществляется поиск перспективных моделей конституционного развития. При этом оценка конституционного регулирования и реализации конституции в рамках конституционной футурологии включает выявление степени совпадения идеальной и формально-юридической моделей, состояния реализации формальной конституции, определение путей приближения к идеальной модели и способов повышения ответственности формальной конституции.

3. Тенденции конституционного развития как предмет конституционной футурологии

Особенностью конституционной футурологии является то, что оценка состояния, выявление

основных тенденций и перспектив конституционного развития ведется на межотраслевом и междисциплинарном уровнях с применением различных методологий, она охватывает, соответственно, ретроспективный и проспективный анализы функционирования конституционных отношений. При этом необходимо подчеркнуть, что на современном этапе в прогностическом контексте именно тенденции конституционного развития составляют предмет анализа в рамках науки конституционного права. Конституционалисты разных стран предпринимают попытку обозначить и систематизировать эти тенденции, дают им научную оценку и составляют прогноз их проявления или исчезновения в перспективе. Все эти исследования формируют теоретическую базу конституционной футурологии.

К примеру, именно в рамках конституционной футурологии следует анализировать такие тенденции конституционного развития, как трансформация понятия конституции; расширение предмета конституционного регулирования; конвергенция конституционных и международных публичных отношений; интернационализация конституции и возникновение феномена глобального конституционализма; формирование конституционной аксиологии; морализация конституции; гуманизация и социализация конституций; появление новых доктрин конституционного идеала, основанных на конституционном компромиссе в условиях кризиса либерально-демократической и других действующих доктрин конституции.

Трансформация понятия конституции или конституционного пространства в современную эпоху выразилась в расширении конституционной материи, к которой относят не только конституции, но и формы права, связанные с ней общим конституционным смыслом: акты толкования и интерпретации конституции высшими судами конституционного правосудия, международно-правовые стандарты, имплементированные в конституции государств или признаваемые правилами прямого конституционного значения. В эпоху глобализации права изменяются представления о конституции государств и конституционном пространстве не только у теоретиков права, но и у правоприменителей, в особенности у судов, рассматривающих публично-правовые споры. Применяя конституцию, национальные суды расширительно воспринимают конституционное пространство и, не ограничиваясь лишь текстом самой конституции, используют в качестве основы конституционной мотивации общепризнанные принципы и нормы международного права, правовые позиции конституционных судов, осуществляющих толкование конституции, а в случаях признания

государствами определенных конвенционных норм также правовые позиции международных судов¹¹.

Расширение понятия конституции наблюдается и в связи с конституционализацией общих принципов права. Несмотря на отсутствие формального признака их прямого конституционного закрепления, данные принципы считаются конституционными, что обосновывается косвенным путем: суды обнаруживают их присутствие путем толкования смысла определенных конституционных положений. К таковым все чаще суды относят принципы справедливости, правовой определенности, пропорциональности (соразмерности, сбалансированности), разумности, subsidiarity, социальной солидарности и др. Конституционный смысл данным принципам придают суды конституционной юрисдикции, в то время как их значимость как общепризнанных принципов международного публичного права определяют международные суды.

Другая прогрессирующая тенденция конституционного развития — расширение предмета конституционного регулирования. Она выражается в появлении дополнительных видов конкретных конституционных отношений, обусловленных «опубличиванием» и конституционализацией новых сфер правового регулирования, формирующих блоки экономической, социальной, экологической, духовно-нравственной конституций, необходимостью создания конституционных норм о гарантиях обеспечения мира, безопасности, устойчивого развития, противодействия терроризму, экстремизму, киберпреступности, бесконтрольного развития генномодифицированных технологий и другим угрозам и вызовам государству, обществу и человеку.

Диалектика бинарного развития внутригосударственного (национального) и международного права предопределила конвергенцию или взаимопроникновение конституционных и международных публичных отношений. Среди заметно развивающихся тенденций нельзя не отметить интернационализацию конституции. Речь идет об отношениях, признаваемых предметом конституционного регулирования в силу прямого действия общепризнанных принципов и норм международного права, а также о расширении предмета конституционного регулирования под влиянием ратифицированных международных договоров.

Об интернационализации конституционного развития заговорили в контексте глобального конституционализма, т.е. признания международного конституционного пространства, интегрирующего и одновременно конкурирующего с конституциями

государств¹². Нарастающее развитие конвергенции международного права и национального права, интернационализации конституционного права предопределили появление доктрины глобального конституционализма. В частности, М. Лохлин считает, что современная эпоха конституционализма, основанного на формуле государство-нация, заменяется конституционализмом, развивающегося под знаменем многоуровневого конституционализма в условиях глобализации. Ключевые показатели такого конституционализма — международный конституционный правопорядок, определение всеобщих ценностей и устойчивых механизмов их воплощения. Многоуровневый конституционализм охватывает национальный, региональный, международный функциональный и специализированный конституционные режимы, которые развиваются до уровня конституционализма международного сообщества¹³. Наиболее ярко конституционализация международных правовых отношений выразилась в праве Европейского Союза, особенно в идее Европейской Конституции, воплощенной в Лиссабонском договоре.

Заметными тенденциями современности можно назвать развитие конституционной аксиологии и морализации конституции (расширение конституционной нравственности). Конституционное закрепление ключевых целей и ценностей, обеспечение которых составляет сущность конституционного идеала, стало общемировой конституционной традицией и сформировало новое направление исследований — конституционную аксиологию¹⁴. Среди ключевых целей

¹² См., напр.: European constitutionalism beyond the state / J.H.H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge, 2003; Transnational constitutionalism / N. Tsagourias (ed). Cambridge, 2007; Ruling the world: Constitutionalism, International Law and global government / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). Cambridge, 2009; The Twilight of Constitutionalism / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010; The worlds of European constitutionalism / ed. by Gráinne de Búrca, J. H.H. Weiler. Cambridge, 2012; Taming Globalization: International Law, The U.S. Constitution, and the New World Order. Oxford, 2012; Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013; etc.

¹³ См.: Loughlin M. What is Constitutionalisation? // The Twilight of Constitutionalism / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010. P. 52–73.

¹⁴ См.: Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14; Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 3; Пресняков М.В. Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 6–9; Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 4; Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 6; Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 312, 313; и др.

¹¹ См. подр.: Умнова И.А. О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 18–26.

и ценностей называются как широко применяемые конституционно-правовые понятия и принципы (свобода, права человека, демократия, равноправие, гражданский мир, безопасность, суверенная государственность, правосудие, верховенство права, государственное единство, разделение властей, парламентаризм и др.), так и социально-нравственные категории, гуманитарный смысл которых конституционализируется благодаря их включению в текст конституции (счастье, любовь, добро, справедливость, солидарность, уважение, преданность, верность, общая судьба, единство народа, согласие, долг и др.). Многие из данных оценочных по своей природе понятий приобретают содержание в процессе судебного толкования¹⁵.

Тенденция расширения конституционной нравственности тесно переплетается к *гуманизацией и социализацией современных конституций*. Диалектика развития объектов конституционного регулирования свидетельствует об эволюции в сторону системного регулирования отношений в цепочке трех ключевых объектов: государство – общество – человек. При этом пристальное внимание уделяется тем субъектам права, ради которых, в сущности, это право и создается: человеку, народу, населению, будущим поколениям. В современных конституциях¹⁶ расширилось представление о таких ценностях как жизнь (признание ее с момента зачатия плода в утробе матери, запрет смертной казни); физическое здоровье (проведение связи здоровья с благоприятной окружающей средой, здоровой едой, чистой водой, запреты клонирования, геномодифицированной продукции); справедливость; безопасность, мир и развитие (конституционное закрепление права на мир, на безопасность и на развитие) и др. Конституционное регулирование уже не может отказаться от социальных обязательств не только по внутренним конституционным мотивам (власть в интересах народа и от имени народа, человек – высшая ценность и т.п.), но и по причине взятия на себя международно-правовых обязательств по признанию, соблюдению и защите прав человека – личных, социальных, экономических, духовно-культурных.

Особый интерес, как представляется, конституционная футурология должна проявлять к *поиску и последующей конституционной формализации новых доктрин конституционного идеала*, отражающего потребности функционирования и развития конституционного строя,

сбалансировано выражающего интересы государства, общества и отдельно взятого человека.

Становится очевидным, что этот идеал скорее всего должен быть основан на конституционном компромиссе в условиях кризиса либерально-демократической и других действующих доктрин конституции. Кризис конституционной доктрины привел, в свою очередь, к устойчивому кризису самой конституции, не воспринимаемой в должной мере в широких политических и социальных слоях в качестве акта самого высокого юридического авторитета. Поэтому встала задача определения такой модели конституционного строя, которая была бы способна гармонизировать формальную и реальную конституции, найти такой конституционный идеал, который примирял бы всех действующих субъектов общественных отношений, все ветви и уровни государственной власти, социальные слои общества и населения.

С точки зрения правильной доктрины конституционного строя споры развернулись между сторонниками либерально-демократической концепции конституционализма, конституционно-монархической (консервативной) теории конституции и социалистической доктриной конституции, основанной на марксистско-ленинском учении. Крайности во взглядах не несли в себе заряд конструктивизма, поэтому неизбежно стали возникать промежуточные учения, выдвигаться смешанные концепции, доктрины т.н. конституционного компромисса. В XXI столетии предложения об альтернативном типе конституционного развития основываются именно на смешанных моделях, гибридных формах, сочетающих элементы различных строев (капиталистического и социалистического, патриархально-клерикального и демократически-светского и т.д.). К примеру, профессор Оксфордского университета Р. Пиренбум, размышляя о будущем конституционализме на примере Китая, достигшего успехов в экономическом росте, улучшении жизненных условий и поддержании социалистической стабильности уверен, что на примере этой страны нужно переосмыслить концепции конституционализма и либеральной демократии. Он допускает возможности партийно-государственной альтернативы либеральному демократическому конституционализму и полагает, что лучше придерживаться реальности в нелиберальном, недемократическом обществе, государстве с социальной рыночной экономикой и социалистическим правовым государством, хотя и с руководящей ролью партии¹⁷.

¹⁵ См.: *Garlicki L.* “Constitutional Values” and the Strasbourg Court // *Acta Societatis Martensis*. 2009/2010. P. 13.

¹⁶ Например, конституции Швейцарии 1999 г., Мьянмы 2008 г., Кыргызстана 2010 г., Венгрии 2011 г., Египта 2012 г., Непала 2015 г. и др.

¹⁷ См.: *Peerenboom R.* “Social Foundations of China’s Living Constitution” // *Comparative Constitutional design* / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013. P. 162, 163.

Путь конституционного компромисса различных идеологий, конвергенции либерально-демократической, социалистической и иных доктрин конституционного строя в единстве с учетом особенностей и традиций развития конкретного государства видится главным условием формирования конституционного идеала, находящегося в непрерывной диалектике сближения с потребностями общества и реальностью. При этом поиск конституционного идеала должен основываться на анализе различных типов конституций.

Конституция – явление многогранное. Она объединяет в себе аксиологические, регулятивные, охранительные, формально-нормативные и иные свойства. Отобразив философов-социологические аспекты действительности, конституция уже на протяжении многих веков упорядочивает поведение субъектов самых разнообразных и многочисленных общественных отношений. В то же время ценность и авторитет конституции подвергаются эрозии под воздействием многочисленных объективных и субъективных факторов, вследствие влияния которых, во-первых, существует значительный разрыв между закрепленным в конституции идеалом и реальностью и, во-вторых, в соответствии с реалиями возникли учения, доказывающие отсутствие идеала в текстах самих конституций, страдающих недостатками по причине защиты ими «несправедливого», «несовершенного», «тоталитарного», «авторитарного» государственного и общественного строя. В частности, марксистско-ленинское учение обосновало, что либерально-демократический строй, учрежденный в конституциях буржуазных государств, отражает интересы лишь правящего класса, порождает несправедливость и эксплуатацию трудящихся масс, а нерегулируемый государством рынок влечет за собой разрушительные экономические кризисы.

Попытки в социалистических конституциях гарантировать идеалы равенства, справедливости и гуманизма также потерпели неудачу, ибо в них нарушался баланс свободы, демократии и ответственности, отрицались такие принципы конституционализма, как разделение властей, местное самоуправление, парламентаризм, политическое и идеологическое многообразие; в них не содержались необходимые гарантии, обеспечивающие права людей на личную свободу и неприкосновенность; осуществлялось централизованное государственное регулирование экономических отношений, не допускающее даже отдельных элементов рыночных отношений и частной собственности.

В современных государствах по-прежнему сохраняется разрыв между конституционным идеалом и реальностью. Об этом свидетельствует кризис либерально-демократической концепции

свободы и равноправия в западном мире; ограниченность режима прав и свобод в конституциях исламских государств; трудности становления новых конституционных строев, заменивших социалистический строй в странах постсоветского пространства и восточной Европы; неспособность новых конституций в государствах Африки, Азии, Ближнего Востока, Латинской Америки облагородить негуманный и недемократичный порядок.

Доктрину, формирующую конституционный идеал будущего, можно назвать конституционным футуризмом. Задача конституционной футурологии состоит в том, чтобы на основе оценки уровня реализации действующей конституции выявить потенциал конституционного развития, направленного на улучшение конституционного строя. Содержание этого потенциала должно быть связано, как представляется, с поиском принципиально новых стандартов жизни, выводящих на качественно иной уровень развития человеческой цивилизации.

Показатели конституционного идеала по уровню реализации конституции позволяют увидеть динамику действия конституции. Выявление уровня реализации конституции полагаем целесообразным измерять с помощью трех основных показателей: конституционной объективности, конституционной конгруэнтности и эффективности конституционных положений.

Конституционная объективность как основной показатель потенциала реализации конституции служит определению степени отражения конституционными положениями потребностей регулирования, то есть учета объективной реальности, запроса общества, государства и людей на определенный конституционный строй, сбалансировано отражающий их интересы. Конституционная объективность связана также с необходимостью запуска с помощью конституции новых импульсов для развития, сохранения и умножения ценностей, определяющих конституционный идеал будущего.

Конституционная конгруэнтность как критерий оценки дает возможность выявить адекватность содержания конституции ее форме, а также установить согласованность конституционных положений между собой. Конституционная эффективность показывает степень фактической реализованности конституционных положений, т.е. демонстрирует авторитет и результативность конституции. В таком измерении выявляется, насколько успешно происходит воплощение в жизнь формальной конституции с помощью потенциально возможных форм их реализации: через использование, соблюдение, исполнение, применение конституционных положений, а также путем их конкретизации и толкования.

Любая конституция не является совершенной. В ней обнаруживаются конституционные дефекты, в частности, коллизии. Эти противоречия в дальнейшем устраняются либо путем внесения конституционных поправок и изменений, либо через осуществление конкретизации и толкования конституционных положений. Крайняя форма конституционных преобразований — принятие новой конституции.

Вопрос о будущем конституций в формально-юридическом смысле связан также с вопросом о том, почему не во всех государствах приняты писанные конституции и будут ли конституции приняты в будущем. По мнению Дж. Рэза, если государство обладает уровнем политического консенсуса, то это делает писаную конституцию излишней¹⁸. Такой консенсус означает, что каждый знает и принимает структуру правления, распределение полномочий среди органов власти и общие принципы, направляющие или сдерживающие осуществление властных полномочий. Думается, что формально-юридическая определенность конституции в любом государстве остается важнейшим средством обеспечения стабильности и преодоления правового хаоса. Конституция как феномен настоящего и будущего — это «дорожная карта», дающая ориентиры для функционирования и развития общественных отношений на пути к прогрессу.

4. Конституционная футуристика и конституционное развитие

Конституционная футуристика как новый межотраслевой институт футуристического права и конституционного права призван смоделировать систему принципов и норм, регулирующих отношения по осуществлению прогноза, выработке стратегии и тактики конституционного развития, созданию процедурных и институциональных механизмов, обеспечивающих действенность конституции и дальнейшие конституционные процессы.

Элементы этого института в основном сконцентрированы в рамках конституционного права и лишь частично проявляются в других отраслях права. В определенной мере можно утверждать, что в развивающейся системе конституционной футуристики уже сформировались некоторые блоки принципов и норм, направленных на выявление тенденций и обеспечение будущего конституционного развития.

К таким блокам относятся, в частности, принципы и нормы, определяющие: конституционный мониторинг и конституционную прогностическую деятельность с помощью конституционного контроля, экспертно-аналитической и общественно-научной деятельности (послания и доклады

органов конституционного правосудия и иных органов государственной власти, обзоры судебной и иной правоприменительной практики, аналитические доклады экспертного сообщества, итоги социологических опросов и выявления общественного мнения и проч.); требования и порядок выработки стратегий и тактики конституционного развития (законодательство о стратегическом планировании и прогнозировании, об условиях и порядке проведении конституционной реформы, способы конституционных преобразований и конституционной модернизации); конституционный механизм внесения изменений и дополнений в действующие конституции, процесс принятия новых конституций, ключевые требования к конституционному процессу; статус исследовательских центров конституционного мониторинга; институтов, специализирующихся на анализе конституционного развития и конституционном прогнозировании.

В Российской Федерации, как и в других государствах, имеет место лишь точечное нормативно-правовое наполнение вышеперечисленных блоков конституционной футуристики. Поэтому системное формирование данного института — пока еще задача на перспективу.

Среди нормативных требований конституционного развития наиболее отчетливо выделяются условия совершенствования конституционного дизайна на основе выявления и распространения лучшего конституционного опыта, совершенствования процедур конституционного законотворчества¹⁹.

В частности, профессора школы права Чикагского и Кембриджского университетов Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург считают, что каждый случай конституционного дизайна должен иметь дело с определенными базовыми вопросами организации данного процесса и процедуры: кто должен быть вовлечен в конституционный дизайн, когда это вовлечение имеет место, как должны вести себя участники процесса на стадиях написания, дебатов и одобрения текста²⁰. Важным, с их точки зрения, является активное взаимодействие между собой участников конституционного процесса на различных его стадиях, именно они формируют в конечном счете матрицу конституционного дизайна. В качестве примера игнорирования условия взаимодействия приводится Конституция Афганистана 2004 г., которая писалась соответствующей комиссией в обстановке секретности с участием иностранных советников и была представлена в аппарат Президента Афганистана перед непосредственным

¹⁹ См.: Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg.

²⁰ См.: Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T. "Does the Process of Constitution-Making Matter?" // Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. P. 31–65.

¹⁸ См.: Raz J. On the Authority and Interpretation of Constitutions: Some Preliminaries // Constitutionalism. Philosophical Foundations / ed. by A. Larry. Cambridge, 1998. P. 154.

проведением чтений и ее принятия Конституционной ассамблеей. Этим объясняется, по мнению ученых, ее неэффективность.

Как и многие другие современные конституционалисты Ж. Блант, З. Элкинс и Т. Гинсбург отмечают, что вовлечение общественности и населения в конституционный процесс является в последнее время предметом все большего внимания ученых, властей, международных организаций. Такая оценка предопределена необходимостью достижения максимально возможного уровня легитимности. Ученые обращают внимание на бессистемные и слабые формы общественного участия в конституционном процессе²¹.

Заметная дискуссия развернулась вокруг пределов международного вмешательства в процессы конституционного развития конкретных государств. Этот вопрос также предмет конституционной футуристики. В частности, на смену оккупационных типов конституций, вносимых конкретным государством метрополией, начинают приходиться конституции, порождаемые международным конституционным правотворчеством. Международное вмешательство обеспечивает не только учет опыта других государств, но и включение в тексты конституций важных положений международного права. При этом конституция служит средством стабилизации ситуации в тех странах, где ведется война, произошли переворот, экономический кризис или революция. Создание конституционного законопроекта в государстве, претерпевающим кризис или находящемся под властью военных, происходит в формате переговоров и примиренческих процедур, в которые вовлекаются иностранные эксперты и инвесторы, заинтересованные государства, составные части государства, ООН и другие международные организации. Яркий пример результата международного конституционного законодательства — Конституция Боснии и Герцеговины.

Конституционные эксперты находят как положительные, так и неудачные примеры международного вмешательства в конституционное обустройство государств. Думается, что данные конституционные процессы обеспечивают действенность конституции при условии их сопровождения экспертным прогнозированием, порядок осуществления которого должен быть урегулирован соответствующими нормами права в рамках института конституционной футуристики.

Заключение

Конституционная футурология и конституционная футуристика являются базисными элементами правовой футурологии и футуристического права. Теоретические исследования тенденций и перспектив конституционного развития находятся в фокусе

пристального внимания современных ученых-конституционалистов и практиков. Расширение конституционного пространства внутри государств, повышение роли судебных практик конституционного развития, внешняя экспансия конституций государств, сопровождаемая формированием международной конституции в соответствии с доктриной глобального конституционализма — эти и другие тенденции должны быть исследованы не только в контексте поиска компромиссных теорий, но и определения смысла конституционного регулирования, адекватного потребностям конституционной защиты приоритетных ценностей и целей развития, формирующих конституционный идеал, свидетельствующий о расширении гуманизации, социализации и морализации конституций, о других конституционных преобразованиях в интересах нынешних и будущих поколений. Конституционное прогнозирование и реализация института, обеспечивающего конституционное развитие, позволяют создать своеобразную «дорожную карту» для повышения регулятивной роли не только конституции, но и права в целом, создать ориентиры для движения к прогрессу. Это движение будет тем успешнее, чем глубже современное право проникнется инструментарием конституционной футурологии и конституционной футуристики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова В.* Электронный кадровый документооборот: настоящее и будущее // Трудовое право. 2018. № 7.
2. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Образец социального прогнозирования / пер. с англ.; под ред. В.Л. Иноземцева. М., 2001.
3. *Бондарь Н.С.* Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11. С. 6.
4. Будущее международного права: науч.-практ. конференция в МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА) // Евразийский юридический журнал. 2016. № 5 (96).
5. *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2013. С. 312, 313.
6. *Гурко А.* 3D-печать и право интеллектуальной собственности: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2016. № 5.
7. *Гурко А.* Искусственный интеллект и авторское право: взгляд в будущее // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 12.

²¹ См.: *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T.* Op. cit.

8. *Гурко А.* Субъекты гражданского права: настоящее и будущее // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 3.
9. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал рос. права. 2008. № 12. С. 3.
10. *Крусс В.И.* Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2. С. 7–14.
11. *Лушников А.М.* Российское трудовое право: вызовы XXI века // Lex russica. 2014. № 3.
12. *Макаров О.В.* Объекты гражданских прав: настоящее и будущее // Нотариус. 2017. № 5.
13. *Мануков С.* 4-я промышленная революция в Давосе // Expert Online. 2016.
14. *Молотников А.Е.* Национальная технологическая инициатива: правовые аспекты экономики будущего // Предпринимательское право. Приложение «Право и Бизнес». 2016. № 1.
15. Правовое пространство и человек / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2012. С. 47.
16. *Пресняков М.В.* Справедливость в системе конституционно-правовых ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 16. С. 6–9.
17. *Таева Н.Е.* Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5. С. 4.
18. *Тихомиров Ю.А.* Правовое регулирование: теория и практика. М., 2010. С. 32.
19. *Тихомиров Ю.А.* Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал рос. права. 2014. № 3.
20. *Умнова И.А.* О современном понимании Конституции Российской Федерации в контексте доктрин конституционализма и судебной правоприменительной практики // Государство и право. 2014. № 11. С. 18–26.
21. *Умнова И.А.* Отрасли права нового поколения в условиях глобализации права и усиления взаимодействия международного публичного и конституционного права // Наука и образование; хозяйство и экономика; предпринимательство. 2013. № 1 (32).
22. *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М., 2016.
23. *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T.* “Does the Process of Constitution-Making Matter?” // Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. P. 31–65.
24. Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013.
25. *Douzinas C.* The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford and Portland, England–USA, 2000. P. 7.
26. European constitutionalism beyond the state / J.H.H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge, 2003.
27. *Friedman L.M.* The Human Rights Culture: A Study in History and Context. New Orleans, Louisiana, 2011. P. 2.
28. *Garlicki L.* “Constitutional Values” and the Strasbourg Court // Acta Societatis Martensis. 2009/2010. P. 13.
29. *Loughlin M.* What is Constitutionalisation? // The Twilight of Constitutionalism / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010. P. 52–73.
30. *Peerenboom R.* “Social Foundations of China’s Living Constitution” // Comparative Constitutional design / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013. P. 162, 163.
31. *Raz J.* On the Authority and Interpretation of Constitutions: Some Preliminaries // Constitutionalism. Philosophical Foundations / ed. by A. Larry. Cambridge, 1998. P. 154.
32. Ruling the world: Constitutionalism, International Law and global government / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). Cambridge, 2009.
33. Taming Globalization: International Law, The U.S. Constitution, and the New World Order. Oxford, 2012.
34. The Twilight of Constitutionalism / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010.
35. The worlds of European constitutionalism / ed. by Gráinne de Búrca, J. H.H. Weiler. Cambridge, 2012.
36. Transnational constitutionalism / N. Tsagourias (ed). Cambridge, 2007.

REFERENCES

1. *Alexandrova V.* Electronic personnel document management: present and future // Labor Law. 2018. No. 7.
2. *Bell D.* The future postindustrial society An example of social forecasting / transl. from English; ed. by V.L. Inozemtsev. M., 2001.
3. *Bondar N.S.* Russian constitutional law in the value dimension: as a legal branch, legal science, academic discipline // Constitutional and Municipal Law. 2013. No. 11. P. 6.
4. The Future of International Law: scientific and practical conference at the Kutafin Moscow State Law University (MSLU) // Eurasian legal journal. 2016. No. 5 (96).
5. *Gadzhiev G.A.* Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). M., 2013. P. 312, 313.
6. *Gurko A.* 3D-printing and intellectual property law: a look into the future. Copyright and related rights. 2016. No. 5.
7. *Gurko A.* Artificial intelligence and copyright: a look into the future // Copyright and related rights. 2017. No. 12.
8. *Gurko A.* Subjects of civil law: present and future // Arbitration and civil process. 2017. No. 3.

9. *Zorkin V.D.* The value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms. rights // *Journal of Russian Law*. 2008. No. 12. P. 3.
10. *Kruss V.I.* Russian constitutional axiology: relevance and prospects // *Constitutional and Municipal Law*. 2007. No. 2. P. 7–14.
11. *Lushnikov A.M.* Russian Labor Law: challenges of the XXI century // *Lex russica*. 2014. No. 3.
12. *Makarov O.V.* Objects of civil rights: present and future // *Notarius*. 2017. No. 5.
13. *Manukov S.* 4th Industrial Revolution in Davos // *Expert Online*. 2016.
14. *Molotnikov A.E.* National technological initiative: legal aspects of the economy of the future // Appendix “Law and Business”. 2016. No. 1.
15. *Pravovoe prostranstvo i chelovek [Legal space and man]* / ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2012. P. 47.
16. *Presnyakov M.V.* Justice in the system of constitutional and legal values // *Constitutional and Municipal Law*. 2009. No. 16. P. 6–9.
17. *Taeva N.E.* Norms of the Constitution of the Russian Federation as a form of expression of social values // *Constitutional and Municipal Law*. 2009. No. 5. P. 4.
18. *Tikhomirov Yu. A.* Legal regulation: theory and practice. M., 2010. P. 32.
19. *Tikhomirov Yu. A.* Forecasts and risks in the legal sphere. rights // *Journal of Russian Law*. 2014. No. 3.
20. *Umnova I.A.* On the modern understanding of the Constitution of the Russian Federation in the context of the doctrines of constitutionalism and judicial law enforcement practice // *State and Law*. 2014. No. 11. P. 18–26.
21. *Umnova I.A.* Branches of law of the new generation in the conditions of globalization of law and strengthening of interaction of International public and Constitutional Law // *Nauka i obrazovanie; khozyaistvo i ekonomika; predprinimatelstvo*. 2013. No. 1 (32).
22. *Schwab K.* The Fourth Industrial Revolution. Moscow, 2016.
23. *Blount J., Elkins Z., and Ginsburg T.* “Does the Process of Constitution-Making Matter?” // *Comparative Constitutional design* / ed. by T. Ginsburg. P. 31–65.
24. *Comparative Constitutional design* / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013.
25. *Douzinas C.* The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. Oxford and Portland, England–USA, 2000. P. 7.
26. *European constitutionalism beyond the state* / J.H.H. Weiler, M. Wind (eds). Cambridge, 2003.
27. *Friedman L.M.* The Human Rights Culture: A Study in History and Context. New Orleans, Louisiana, 2011. P. 2.
28. *Garlicki L.* “Constitutional Values” and the Strasbourg Court // *Acta Societatis Martensis*. 2009/2010. P. 13.
29. *Loughlin M.* What is Constitutionalisation? // *The Twilight of Constitutionalism* / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010. P. 52–73.
30. *Peerenboom R.* “Social Foundations of China’s Living Constitution” // *Comparative Constitutional design* / ed. by T. Ginsburg. Cambridge, 2013. P. 162, 163.
31. *Raz J.* On the Authority and Interpretation of Constitutions: Some Preliminaries // *Constitutionalism. Philosophical Foundations* / ed. by A. Larry. Cambridge, 1998. P. 154.
32. *Ruling the world: Constitutionalism, International Law and global government* / J. Dunoff, J. Trachtman (eds). Cambridge, 2009.
33. *Taming Globalization: International Law, The U.S. Constitution, and the New World Order*. Oxford, 2012.
34. *The Twilight of Constitutionalism* / ed. P. Dobner and M. Loughlin. Oxford, 2010.
35. *The worlds of European constitutionalism* / ed. by Gráinne de Búrca, J. H.H. Weiler. Cambridge, 2012.
36. *Transnational constitutionalism* / N. Tsagourias (ed). Cambridge, 2007.

Сведения об авторе

УМНОВА-КОНЮХОВА Ирина Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, руководитель научного направления конституционно-правовых исследований Центра исследований проблем правосудия Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры конституционного права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69; старший научный сотрудник отдела правопедения ИНИОН РАН; 117418 г. Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21

Authors’ information

UMNOVA-KONYUKHOVA Irina A. – Doctor of Law, Professor, Head of the research area of constitutional and legal studies of the Center for justice studies of the Russian state University of justice, Professor of the Department of Constitutional Law of the Russian state University of justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia; senior researcher of the Department of jurisprudence of the INION RAS; 51/21 Nakhimovsky ave., 117418 Moscow, Russia